

Вот уже который год я изучаю преступность. Небольшие, конечно. Попутно с основным занятием. Снимая детективные фильмы, приходится тесно работать с милицией, читать специальную литературу, встречаться с преступниками, бывать в тюрьмах. Сейчас задумал публицистический фильм. И опять — литература, пресса, встречи с юристами, учеными-криминологами. Интервью, брифинги, фильмы для внутреннего пользования. Собираю материал. Впрочем, сегодня ситуация такова, что и собирать не надо — жизнь сама подставляет разнообразный криминальный материал.

Звонит соседка. Плачет:
— Станислав Сергеевич, у вас нет бутылки водки?
— Что случилось, Леночка?
— Машину украли. Зашли на пятнадцать минут к маме...
Новая машина. Вся жизнь на нее собирали.
— А водка тебе зачем, Леночка?
— Да Леня же... (Леня — это муж). На нем лица нет!..
Переехал в Матвеевское, в Дом кинематографистов спокойно поработать. Пишу эти строки, а внизу шум. Что случилось? Только что обокрали режиссера Светлану Дружинину. Унесли все, что можно было собрать за три минуты, — она отсутствовала пять. Магнитофон, деньги, документы. Вызвали милицию, пришел молодой лейтенант. Стал составлять длинный протокол: «Пол? Год рождения?..»

Как вы думаете, найдут воров?
А ведь это дом ветеранов кино. Нас, помоложе, пускают сюда на время поработать, если есть свободные номера. А вообще-то здесь живут пожилые люди, старики. Им уже трудно постоять за себя. За ними, за каждым их шагом наблюдают рассыпавшиеся в кустах мускулистые парни. Слово какой-нибудь вражеский десант. Чуть отвернулся — прыг в дом! Это сегодня. А завтра просто зайдут, придурчат и возьмут, что надо.

Снимали на Троицу в церкви. Красивая деревянная церковь в Удельной. Волшебная литургия. Крестный ход. У каждого в руках полевые цветы, молодые березовые ветви. Добрые улыбки, благостные лица. Отъехали на километр от церкви — драка. Побойщи! Мы застали финал: победители прыгали в автомобили и отъезжали. Победенные остались лежать на земле. Молодые парни. Окровавленные, изуродованные. Пьяные, конечно. Многие не могут подняться. Женский вой висит над полем боя.

Дрались цепями, железными прутьями, не обошлось без ножа. Упавших убивали ногами. Откуда такая жестокость, такая ненависть друг к другу? Солдаты, бежавшие в штыковую атаку, не испытывали такой ярости.

Нет, за материалом сегодня ездить нигде не надо.
Звонит мой оператор. Вытащили бумажник — в нем все деньги, документы. Вор позвонил (в бумажнике лежали телефонные счета), сказал: «Давай еще триста рублей — верну документы».

Вора мы с сотрудниками милиции поймали. Назначили ему свидание, выследили и взяли. Бумажника при нем не оказалось. Потом нашли и бумажник с документами. Вычислили, догадаться, где он может быть спрятан.

Вор — молодой парень, отвратительной внешности (по мне — все воры отвратительны), из Телави. Где проживает в Москве, не говорит. В кармане чужой студенческий билет. Про бумажник с документами ничего не знает, «понятия не имеет».

— Вынуждены его отпустить, — говорят мне.
— Как?
— Не имеем права.
— Хоть позвоните в Телави, узнайте, кто такой!

Позвонили, узнали: квартирный вор, рецидивист.
И отпустили.

А иначе — съест пресса, замучают упреками, устанешь писать объяснения. В прежние времена — проклятого застой! — сидел бы этот ворушка в КПЗ суток пять — десять. Хоть маленький, да урок.

Трудный мне достался материал.
Разве можно без содрогания рассматривать фотографии, на которых изображены трупы... освежавших людей? Убийцы содрали с них кожу (фотографии из Ферганской долины)!

Можно ли, не сжавшись в темном зале от внутреннего ужаса, рассматривать на экране изображение пай-мальчика — он с товарищами изнасиловал собственную мать!

А вот девочки с накрашенными глазами, нарумяненными щеками. Им по одиннадцать-двенадцать лет. Они проститутки! Их отбирают для богатых «шейхов» из Средней Азии.

Волна преступности захлестнула страну. Улицы наших городов пропитаны тлетворным духом уголовщины. Вор, грабитель, убийца уже ломается в дверь нашего дома!

Преступность нынешних масштабов не даст осуществиться ни одному из наших благородных начинаний. К сожалению, понимают это далеко не все. Иначе на Съезде народных депутатов эта проблема высветилась бы по-другому. А все потому, что общество — думаю, что и правительство тоже, — не имеют перед собой ясной картины масштабов преступности.

Вот мы ругаем прессу, а она многого не договаривает. Мы ужасаемся цифрам статистических данных — они действительно ошеломляют! — но статистики фиксируют от силы половину совершаемых в стране преступлений.

СУЩЕСТВУЕТ латентная — скрытая — преступность. Многие ограбленные, избитые не заявляют в милицию. На большинство мелких происшествий из разряда хулиганства и краж не заводятся уголовного дела, следовательно, они не попадают в статистические таблицы. Почти не фиксируются акты спекуляции. Их невозможно зафиксировать. Вся страна превратилась в бараклоху — каждое учреждение, каждый рынок и общественный туалет.

Ни в коей степени не отражает статистика и масштабов взыточничества.

Борьба с фантомом взыточничества — это борьба с заранее известным исходом. Обрубав одну голову — вырастают две другие. Взятки становятся крупнее — и только. Брать становится опаснее. Армия взыточников будет расти до тех пор, пока не уничтожены механизмы, утверждающие взятку как способ устраивания любителей делиться.

И, наконец, мы превратились в страну повального воровства. Мы чуть ли не все воруют что-нибудь. Несем с заводов и фабрик: сахар, кофе, чай, конфеты, гайки, доски, транзисторы, бумагу. Воруют у предпринимателя, где работает, время — придем позже, уйдём раньше, в середине рабочего дня сделаем личные дела.

В какой еще стране крадут автомобильные щетки? Лично я «другой такой страны не знаю».

Воровство в особо мелких размерах. В нравственном смысле — это катастрофа!
А кто, скажите, какие милицмейские статистики в состоянии зафиксировать количество уличных преступлений?

Казань, Чебоксары, Дзержинск — названия этих городов не сходят со страниц прессы. Читать страшно. А жить?

Идет мальчишка по улице, к нему подходят несколько подростков. «Из какого района? «Из Вахитовского». И — баб трубой по голове. Мальчишку — в реанимацию. Если не в морг.

Количество городов с криминально опасной атмосферой растет. Военными жалуются: привзывать в армию некого, у многих мальчишек тяжелые травмы головы. Нашим генералам пора задуматься не столько о тех, кто уже служит под их командованием, сколько вот об этих мальчишках, которым предстоит взять в руки винтовку и защищать Родину.
Наша завтрашняя армия там — на грязных

и темных улицах наших городов. Она, увы, небоеспособна!

«Пришло наше время...» Я взял эту фразу из письма, отправленного на волю из мест заключения. Вор в законе призывает товарищей действовать посмелее — «пришло наше время!»

А торгашки, фарцовщики, «каталы» и прочая мелкая рыбашка, не стесняясь, в открытую заявляют:
«Наступил наш золотой век!»

ГДЕ корни, глубинные истоки нынешнего разгула преступности?

Ученые с научной обстоятельностью называют многие причины. Однако на разветвленной дорожке истории преступности есть одна тропинка, на которую почти не ступала нога исследователя. Потому что в начале этой тропинки лежит, как в старой русской сказке, бел-горюч-камень, на котором написано: «Пойдешь — голову сломишь». Другими словами — поломаешь себе научную карьеру.

С беспощадностью дилетанта, который презирает опасность, поскольку не ведает о ней, ступим на эту узкую тропинку. И сразу окажемся в густой чаще нашей неизведанной, никем еще не написанной истории.

В 1917 году, когда были распахнуты двери тюрьм, из них вышли не одни революционеры. Революционеры там было ничтожно мало.

Специалисты в один голос утверждают: растет не только количество преступлений — возрастает жестокость, с которой они совершаются. Вспомним средневековую жестокость, проявленную во время событий в Фергане, в Сумгаите. Откуда все это?

Главное преступление сталинского режима — создание нового типа человека. Воспитанный в атмосфере лжи, предательства, холодной преданности вождю, выросший в обществе, где сместились, приобрели обратный смысл многие понятия (белое стало называться черным, честь и благородство — пороком, донос на ближнего — гражданской обязанностью), привело к тому, что такой человек способен и генетически воспроизвести себе подобное. В нашем мозгу навеки поселился страх, в крови — вирус предательства, в глазах — недоверие. С издевательской ухмылкой мы открылись в свое время от благородных, доставшихся от прошлого манер и с восторгом стали впитывать в себя манеры Шарикова — помни, так звали героя булгаковской повести, получившегося в результате научного эксперимента над дворовой собакой.

У нас даже обращения друг с другом нет, замятели? «Товарищ» не привилось, «сударей» отменили. Теперь различаем друг друга по половым признакам: «Женщина! Мужчина!»

Тысячу лет великий народ жил согласно нравственным «христовым» заповедям. Их

64-е отделение московской милиции расследовало недавно одно дело. Весь класс, мальчишки всего класса — эдакие «тимуровцы» — снимали по ночам с автомашин стекла, зеркала, молдинги, щетки и сдавали в кооператив по ремонту автомобилей. Те брали!

Советскому гражданину не нужно объяснять, что такое толкучка. Видел каждый. А вот на живописном одесском «толчке» довелось побывать не всякому. Мы недавно сподобились — посетили. Зрелище, скажу я вам, поучительное.

Суббота, раннее утро, май месяц. Цветут луга вокруг.

Весь мир в этот ранний час едет на уик-энд. И у нас, как на Западе. На десяток километров растянувшись вереница автобусов, такси, личных и государственных легковых автомобилей. Подъезжают к загородке в степи — там, плечо к плечу, тысяч тридцать пять — сорок народу. Милые развлеченные советских людей.

Одеситы, не лишенные самолюбия, любят говорить, что на одесском «толчке» можно купить всё. Даже ядерную бомбу. На самом деле это неправда. Продается дешевка — обувь, одежда, которые за рубежом даже не выставятся на прилавки солидных магазинов.

Правда, попадаются и экзотический товар. Вор женские колготки — сбоку, по строчке, бегаёт светящаяся мышка. Цена от шестистот до девятисот рублей. К слову сказать, человеческая жизнь оценивается во столько же, если не дешевле. На эти деньги можно вполне нанять наемного убийцу. Телезрители недавнего «Взгляда» слышали об этом.

Очень много на толчке молодых парней — спортивных, с накачанными мышцами. Жуют резинку. Эдакое канадское НХЛ. Все что-нибудь продают. Женские трусики, косметику, лифчики. Не стесняются. Даже не отворачиваются, увидев взгляд кинокамеры.
Защитники Родины!

Станислав ГОВОРУХИН ВОЙНА

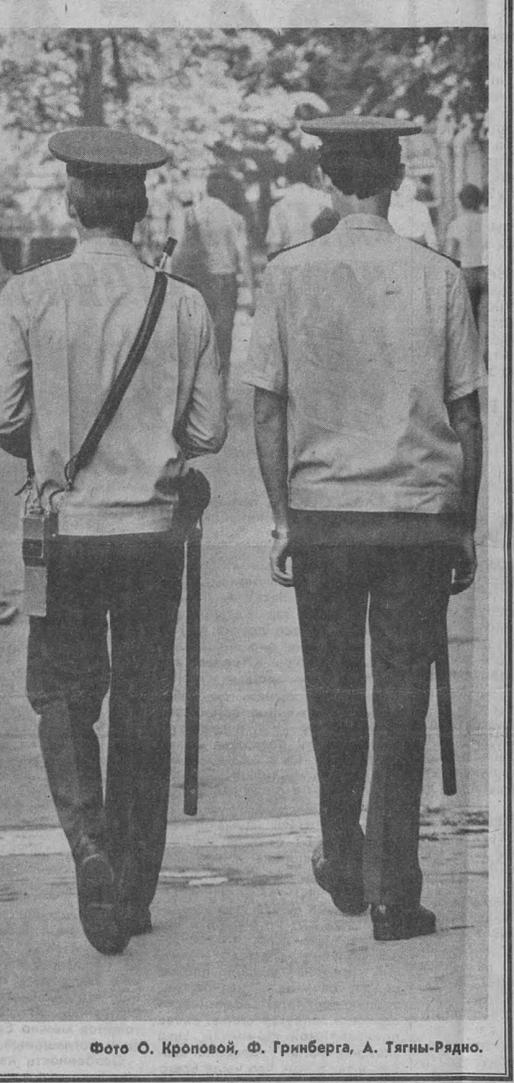

Фото О. Кроповой, Ф. Гринберга, А. Тягун-Рядно.

С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Уголовники разбрелись по стране. Многие из них охотно влились в ряды тех, кто с невиданной яростью стал рушить старый мир. Иначе чем объяснить безжалостное, никакими высокими революционными идеями неоправданное уничтожение аристократии, духовенства, интеллигенции — цвета русской нации? Недаром состоявшийся в том же семнадцатом году знаменитый «сходняк», на который собрался представитель уголовного мира, чтобы прояснить свое отношение к новой власти, дружно постановил: «Власть своя, родная. Надо ее поддержать!» Знает ли читатель, что жестокий садист и убийца Леняка Пантелеев, главарь известной в Петрограде двадцатых годов банды, был сотрудником ВЧК? А известен ли читателю такой любопытный факт: знаменитый бандит и убийца Мишка Япончик, герой многочисленных литературных произведений, завершил свою карьеру службой в Красной Армии с отрядом танк жев, как он сам, головорезов воевал с беляками. Правда, был расстрелян красными бойцами. За трусость. Но факт остается фактом.

В истребительных сталинских лагерях шадящий режим был организован только уголовными элементами. Между властями НКВД и ворами был объявлен почти официальный «конкордат»; уголовники быстро усвоили свою задачу: помочь властям в уничтожении «врагов народа». Об этом свидетельствуют все, кто вырвался из лагерного ада, дожил до наших дней или оставил посмертные записки. В частности, можно сослаться на Варлама Шаламова, на его «Очерки преступного мира» и «Кюльминские рассказы».

ТОЛЬКО в нравственном здоровом обществе возможно организовать достойное сопротивление преступности. А о каком нравственном здоровье нации можно говорить, если десятилетиями сознательно уничтожаются лучшие генофонды страны. Сколько их погибло — в подвалах Лубянки, у угольных куч, за околицей деревни. Умных, благородных, порядочных. С ними вместе ушли из общества, перестали цениться понятия чести, благородства, порядочности.

Больные клетка пожрали здоровые. Человеческое достоинство, честь и благородство, совесть и порядочность! Когда общество перестает с благоговением относиться к этим понятиям — всё! Питательная среда для разгула преступности готова.

объявили вредными и пустыми, надсмеелись над ними. И теперь: убий, кради, лжесвидетельствуй, создавай кумира, не почитай ни отца, ни мать.

Делай что хочешь, поскольку нет ни греха, ни ада, ни страшного суда.
Советского человека, приезжающего впервые на Запад, поражает ныне не обилие товаров в магазинах, не роскошные автомобили, не чистота на улицах, а люди. Другие люди. С другой планеты. Улыбчивые, доброжелательные, вежливые, услужливые.

Боже ж мой, до чего мы не похожи на рядышком, жинерадостную толпу, которая катит к вечеру по какому-нибудь Елисейским полям!

А как может быть жинерадостным народ, выстроивший в затылок друг другу? Четверть жизни мы проводим в очередях. Ученые подсчитали: каждый 18-й инфаркт в очереди!

СТРАНА встает на путь возрождения. Процесс труден по многим причинам, а по одной — кажется просто невозможным. Потому что налицо явные признаки вырождения нации. До сих пор не выходит из головы сюжет, показанный ленинградской программой «600 секунд». В милицию поступило заявление от пенсионерки Н. о том, что после расчистки одеколна с молодым парнем означенный субъект изнасиловал ее. Как указывает истица: «изощренным способом».

А вот сюжет, показанный во «Взгляде». Шел человек по улице, вдруг схватили за сердце и упал в снег (имитация). Несколько прохожих прошли мимо, никто не бросился на помощь, не вызвал «скорую». Но вот идет молодой человек в рабочей одежде, в руках ящик с инструментами. Вот он увидел лежащего на снегу человека, шагнул к нему. Наконец-то! — вдохнул облегченно зритель. Молодой человек между тем наклонился к пострадавшему, сорвал с его головы шапку, оглянулся по сторонам и ушел.

Дети выкрали труп из морга, варили в котелке голову, фотографировали рядом с трупом (об этом фотоса «Комсомольская правда» в прошлом году).
Юная женщина родила ребенка, выбросила его в помойное ведро и пошла в соседнюю комнату допивать водку — таким сообщениям («Московский комсомолец», 23 июня 1989 г.) мы уже не удивляемся.

Стоит парень: в одной руке джинсы, в другой — джинсы, на пояс прицепил джинсовую юбку. Уже как бы не человек, а символ. Символ немужчины. То есть он, конечно, сохранил все мужские атрибуты: мышцы, растительность на лице... то, что носят в гольфике. Но уже не мужчина. Трудно поверить, что такой способен защитить старика, женщину, ребенка. Тем более Родину.

Вот стоят рядом парень и девушка, продают — каждый свое. Вполне возможно, что до этого дня они не были знакомы. Познакомьтесь, полюбят друг друга. В следующую субботу встретятся снова. Он принесет продавать набор женских трусинов, она — колготки. Вечером назначат свидание друг другу. (Я попрошу читателя озвучить эту воображаемую сцену музыкой из «Ромео и Джульетты» Прокофьева). Дальше — больше, и вот... Поженятся, нарожают детей.
Какими они будут, их дети?

ЗАКОНЧИЛСЯ первый Съезд народных депутатов. Теперь можно твердо сказать: страна вступила на путь постепенных экономических, социальных и политических реформ. Путь медленный, но скорее всего верный. Не могу, однако, сказать, что весь народ в восторге от такого решения. Есть по крайней мере две многочисленные группы населения, которые ждуть не могут.

Одна — это наши старики и люди, стоящие на пороге старости. Всю жизнь они много и честно трудились на благо державы. Жили в нищете, в бараках, в коммуналах. Думали: завтра будет лучше. Потом надежда исчезла. «Ладно — махнули они на себя рукой, — но зато наши дети будут счастливы!» Выросли дети, а prospects все нет. Осталась слабая надежда: «Внуки...» Но выросли и внуки.
Что же им делать? Ждать, когда мы построим обновленную модель социализма, им некогда, жизнь на исходе. Тогда что? Помыкать, так и не увидев, что жизнь изменилась к лучшему?

Рассмотрим еще одну, куда более многочисленную категорию населения. В противоположность первой группе эти люди молоды, полны сил, у них все жизнь впереди. Но ждать они не могут!

Слегка перефразируем Маяковского: «юности, обдумывающие житье...». До чего же они додумались на сегодняшний день? А вот до чего: честным трудом прожить нельзя! Весь опыт окружающей жизни, опыт их родителей

говорит об этом. То есть, конечно, можно, но... Тут очень много всяких «но». Нужно долго учиться, много работать, и это еще не гарантия. Надо, чтобы очень повезло, нужен блат, чтобы попасть в институт, устроиться на престижную должность (обратите внимание, слово «блат» пришло к нам из блатного мира, заменив нормальное человеческое — «протекция»). Словом, путь рискованный, ненадежный. А тут еще инфляция растет прямо на глазах. Во что она превратится завтра, твоя зарплата? В кучу бумажек? А ведь существуют более легкие и быстрые способы заработать деньги. Причем сколько угодно. И те, кто пошел по этому пути, не мучаются угрызениями совести, да еще и смотрят на тебя свысока.

Вот ведь что получается: к тому времени, когда мы путем медленных реформ наладим нормальную жизнь, огромная часть молодых людей будут уже навсегда потерянными для общества.

В МОСКВУ теперь на «гастроли» приезжают группы подростков из восточных районов страны. Живут в старых, идущих под капитальный ремонт, домах. По вечерам они бьются и разводят своих сверстников-москвичей. Окружат мальчишку-москвича плотной группой и говорят: «Давай оденкой махнемся!» Попрошуй, не согласна обменяться! Иногда уголовный розыск проводит на «гастролях» облаву. Берут их человек по сорок. Потом, конечно, отпускают.

Ребята охотно идут на разговор с сотрудниками угро. Рассказывают, что приезжают в Москву «приодеться» — у них там в магазинах ни черта нет.

Криминальная статистика отмечает: преступность резко помолодела. Ежедневно преступный мир пополняется многочисленными отрядами добровольных рекрутов из среды молодежи.

Вот где главная опасность для нашей страны.

Чтобы спасти наших детей, нужно не так уж много. Нужно, чтобы молодые люди поверили: честным трудом прожить можно. Для этого им нужно увидеть, что жизнь честного трудящегося человека меняется к лучшему. Пусть едва заметно, пусть чуть-чуть. Но, значит, завтра станет еще лучше, послезавтра станет лучше намного.

Вот и все. Что следует делать — пусть подскажут ученые. Если нужно залезть в долги, значит, надо залезать в долги. Если нужно от чего-то отказаться, значит, надо отказаться. Альтернативы у нас нет. И более священной задачи у нас нет.

К тому же резервы у нас огромные. Могучая страна. Умудряемся даже помогать другим странам.

Когда страна богатая, а народ бедный — это преступление. К сожалению, это преступление пока не расследуется, да и нет у нас такого суда, куда можно было бы передать «дело».

Ограбленные, избитые, оскорбленные люди. Мальчишки с пробитыми головами, девочки-проститутки. Матери, потерявшие детей. Женщины, лишившиеся любимых.

Не на войне — в мирное время.

Опомнитесь!
Я призываю правительство, Верховный Совет, все общество — опомнитесь, пока не поздно!

Впрочем, уже поздно, тысячу раз поздно! Мы проворонили многие фазы, на которых еще можно было вести борьбу с преступностью демократическими и даже гуманными методами. Теперь, по-моему, только страх, страхи и мощные ответные меры могут остановить разгул преступности. Остановить, но не погасить. Нынешний пожар преступности невозможно загасить, его можно только локализовать — не дать огню перекинуться на нетронутые территории. Эти нетронутые территории — наша молодежь, та ее часть, которой пока не коснулось черное крыло уголовщины.

Мы ведь плодим преступников, плодим, как тараканов!

Остановить их размножение! Любими средствами. Вот задача общества на сегодняшний момент.

СОВЕРШЕННО ясно, что одна милиция победить сегодняшнюю преступность не сможет. Эта задача по плечу только всему обществу, всему народу. И он обязан укреплять свою милицию, поднимать ее авторитет. Мы очень несправедливы к милиции в целом. Наш милиционер — герой самых обидных анекдотов. Но если бы мы знали: в каких трудных условиях приходится работать сотрудникам милиции, как плохо она технически оснащена, как развиты внутри нее бюрократизм и бумаговодство, как сами сотрудники абсолютно не защищены законом, как в борьбе с преступником связаны у милиционера руки и ноги, закрыты черной повязкой глаза! В конце концов

мы имеем то, что заслуживаем. И наша милиция ничуть не хуже нашего сельского хозяйства или автомобилестроения.

Все у нас на одном уровне. Выпускаем обувь, которую нельзя носить, строим дома, в которых неудобно жить, снимаем кино, которое смотреть невозможно, и имеем милицию, которая не в состоянии нас защитить.

За годы тесного общения с сотрудниками милиции я понял одно: в милиции — за 150 — 200 рублей, рискуя жизнью, не зная ни сна, ни отдыха, понимая, что не только преступник, но и обыватель за глаза называют тебя ментом и лгавым, — могут работать или люди, ищущие личных выгод, или же люди высокой гражданской сознательности.

Относясь с недоверием ко всем без разбора представителям правоохранительных органов, мы оскорбляем достойнейших представителей нашего человеческого содружества. Тех, благодаря кому порядок в стране, несмотря ни на что, еще сохраняется, без кого мы завтра же вступили бы в эру уголовного террора.

И тем не менее общество, не мешкая, должно начать энергичные действия по созданию новой милиции — компетентной, профессиональной, неподкупной (то есть высокооплачиваемой). Не может здоровым обществом существовать себе роскошь содержать милицию, состоящую из «кого угодно». Только самые достойные представители общества должны формировать ее ряды. Как в Америке — по жестокому конкурсу. Как на актерский факультет ВГИКа — пятнадцать человек на место.

Вот еще одна жизненно необходимая мера, которую необходимо срочно предпринять, если мы хотим сохранить себя для больших свершений, да что там — просто уцелеть.
В перерыве Съезда народных депутатов я подошел к первому заместителю Председателя Верховного Совета СССР Анатолию Ивановичу Лукьянову и спросил его:

— Не считаете ли вы, что в Верховном Совете пора создать комиссию по борьбе с преступностью?

— Не по борьбе с преступностью, — ответил Анатолий Иванович, — а по войне с преступностью!

Итак, правительство знает, что война уже идет. Не знает сам народ.

Пора бы объявить ему, мобилизовать на эту войну его лучшие силы.